

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА I

Родители Солона Барнса, Руфус и Ханна Барнс, были людьми далеко не богатыми. В те годы, когда Солон появился на свет, Руфус Барнс сочетал в своем лице мелкого фермера и средней руки торговца. Его ферма, расположенная у самой окраины городка Сегукит, штат Мэн, была невелика, но все же овощи и фрукты в хозяйстве всегда имелись свои, сено и овес шли на продажу, и благодаря этому Руфусу в конце концов удалось купить небольшую лавку в центре города, торговавшую конским фуражом. Прежний владелец порядком запустил торговлю, но Руфус, как человек благочестивый и нравственный, пользовался доброй славой у окрестных квакеров, да и не только у них, и благодаря этому дела его в скором времени пошли так хорошо, что он смог послать и Солона, своего первенца, и Синтию, его единственную сестру, в начальную школу местной квакерской общины, где они и проучились, первый до десяти, вторая до восьми лет. Тут, однако, встал вопрос о том, где им учиться дальше.

Случилось так, что в это время умер дядя Солона, Энтони Кимбер. Он был женат на сестре Ханны Барнс, но давно уже переехал вместе с женой и двумя дочерьми в Трентон, штат Нью-Джерси, где занялся производством фаянсовой посуды. И вот Феба Кимбер стала просить Руфуса, отца Солона, чтобы он приехал

в Трентон и помог ей распорядиться полученным наследством. Муж оставил ей солидный капитал, вложенный в гончарные предприятия Трентона, кроме того, дом и закладные на несколько земельных участков в быстро застраиваемом районе между Трентоном и Филадельфией.

Обе сестры, миссис Кимбер и миссис Барнс, с детства нежно любили друг друга, и каждая встреча всегда была для них настоящим праздником, да и сам Руфус по-родственному тепло относился и к Кимберу, и к его жене. Поэтому он сразу согласился выполнить просьбу Фебы, хоть это было связано для него и с хлопотами, и даже с немалыми расходами — пришлось ведь нанять человека, одного из сегукитских квакеров, чтобы тот хозяйничал в лавке в его отсутствие. Однако поездка обернулась для Руфуса приятнее и даже выгоднее, чем можно было ожидать. Выяснилось, что покойный свояк, человек весьма энергичный и трудоспособный, сумел так приумножить капитал, вложенный им в гончарные предприятия Трентона, что теперь вдовья доля наследства, доставшаяся его жене, исчислялась в сорок пять тысяч долларов. Кроме того, деньги, остававшиеся у него от жалованья, он ссужал окрестным фермерам под заклад земельных участков, расположенных между Трентоном и Филадельфией; а так как население в этом районе быстро росло, то и земля неуклонно повышалась в цене. Срок одной такой закладной как раз недавно истек, и заложенный участок, довольно значительный по своим размерам, должен был перейти в собственность Кимбера, но смерть помешала ему закончить все необходимые формальности, и теперь Руфус, искренне заботясь об интересах свояченицы и ее детей и зная ее беспомощность в вопросах практических, решил довести дело до конца. Землю, рассуждал он, можно будет сдать в аренду или продать, а на вырученные деньги и на доход от других

капиталовложений Феба с детьми сможет жить в своем трентонском доме, как жила до сих пор.

Этой родственной услуге суждено было сыграть в жизни Руфуса и его семьи не меньшую, если не большую роль, чем в жизни миссис Кимбер и ее детей. Правда, Феба Кимбер понимала, что в смысле коммерческих способностей Руфусу далеко до ее покойного мужа, но она уважала его за чистоту нравственных и религиозных принципов; а Ханна Барнс всегда была ей родною не только по крови, но и по душевному складу, и потому она всячески стремилась укрепить близость между обеими семьями.

Руфуса все знали как человека честного и благожелательно относящегося к людям. Своим небольшим достатком он был обязан собственному трудолюбию и добропорядочности. И Феба давно уже убедилась — и по письмам, и когда приезжала гостить в Сегукит, — что заботы о хозяйстве и о торговле не мешали Руфусу исправно выполнять свой религиозный долг; мало того — со всеми соседями и собратьями по квакерской общине он старался жить в добром согласии и за свою готовность каждому услужить и помочь пользовался расположением всех, кто его знал. Недаром в сорок лет он уже был одним из старейшин сегукитской общины и в Первый день (так у квакеров именуется воскресенье) восседал на возвышении лицом к молящимся среди прочих старейшин и духовных руководителей общины, мужчин и женщин. В доме Барнсов, как и во многих домах той округи, никогда не угасал пламень веры.

Дети, Солон и Синтия Барнс, ни разу не сели за стол без благодарственной молитвы, и день в семье всегда начинался с того, что все домашние собирались вместе и миссис Барнс читала главу из Библии, после чего на несколько минут водворялось торжественное молчание. Эти минуты наложили отпечаток на всю последующую жизнь Солона и его сестры. Правда, в то

время они были еще слишком молоды, чтобы чувствовать что-либо, кроме безмолвного изумления. Но весь житейский и религиозный уклад, с детства привычный Солону и Синтии, настолько вошел в их плоть и кровь, что и тот и другая до конца своих дней сохранили неизблемую веру в животворящий божественный дух, присутствующий в каждом из людей, дающий жизнь всем существам на земле, — тот божественный дух, или внутренний свет, к которому можно прибегнуть в час невзгоды, сомнения или душевной тревоги и обрести помощь и утешение.

Итак, Феба Кимбер встретила в Руфусе Барнсе надежного и добросовестного советчика. Он не только дал ей ценные наставления относительно того, как распорядиться доставшимся ей имуществом и как им управлять в дальнейшем, но даже выразил готовность и впредь помогать ей советом в случаях каких-нибудь затруднений и, хоть ему и трудно отрываться от собственных дел, приезжать для этого из Сегукита.

Однажды в разговоре Феба сказала ему:

— Руфус, а что, если тебе продать твою ферму и лавку в Сегуките и переселиться сюда? Ты сам видишь, как мне здесь трудно одной с моими девочками. Энтони всегда умел наставлять и направлять их — да и меня тоже. Вот мне и пришло в голову: если б вы с Ханной жили не в Сегуките, а в Трентоне, это было бы для меня большим подспорьем, да и я кое в чем, пожалуй, могла бы вам помочь. Ты знаешь, средств у меня на всех хватит, особенно если ты будешь управлять моим имуществом. Конечно, там, в Сегуките, у тебя своя ферма и торговля, но ведь у меня, как ты знаешь, кроме этого дома, есть еще большая усадьба близ Даклы — закладная на нее просрочена, и Энтони как раз собирался закрепить дом и участок за собой. Ты бы мог поселиться там и вести свое самостоятельное хозяйство — если, разумеется, вы с Ханной не предпочтете жить здесь, вместе с нами. Вот я и подумала: может,

это будет даже на пользу тебе, Ханне и детям, особенно Солону, когда он подрастет, а уж о своих детях я и не говорю. Трентон, как ты сам мог убедиться, становится процветающим городом. И пусть молитвенный дом в Сегуките не хуже нашего, но если говорить о воспитании детей, например, то Ханна найдет здесь или в Филадельфии школы, о которых она могла только мечтать, живя на сегукитской ферме. Кроме того, потеряв такого мужа, как Энтони, я едва ли соберусь когда-нибудь снова замуж, а потому я очень желала бы, чтобы ты взял на себя попечение и о моих делах, — надеюсь, это не окажется для тебя чересчур обременительным или невыгодным. Я, со своей стороны, готова устроить все так, как ты найдешь более удобным и приятным для себя, Ханны и детей, — ведь ты же знаешь, как я вас всех люблю.

Руфус молчал, сосредоточенно глядя на миссис Кимбер. Перед ним была женщина еще довольно молодая и привлекательная, и многое в ее предложении заставляло призадуматься. Наряду с выгодами он предвидел и осложнения. Например, перспектива соединить обе семьи под одной крышей; при всей привязанности Фебы и Ханны друг к другу, как бы они со временем не стали тяготиться этим сожителем. Не так просто наладить мирную и счастливую жизнь в доме, где четверо детей с утра до вечера вместе. Пойдут ссоры; кому из матерей разбирать их? И как находить обидчика? Нет. Это не годится. И Руфус попытался как можно убедительнее объяснить Фебе, что, прежде чем дать ей ответ, он должен съездить в Сегукит и посоветоваться с Ханной.

В другом варианте — поселиться в усадьбе близ Даклы и заняться приведением ее в порядок — тоже были свои сложности. Он знал эту усадьбу: шестьдесят акров земли и большой двухэтажный дом в тени раскидистых кедров, с красивой флорентийской кровлей, нависающей над ступенями входа. Когда-то здесь

было имение неких Торнбро, семейства, чье имя было известно всем в округе еще до Гражданской войны. В свое время у хозяев водились деньги; об этом говорил узорный переплет высокой чугунной ограды, которая шла вокруг усадьбы. Слева (если стать лицом к дому) в ограде были широкие ворота, и полукруглая подъездная аллея вела к парадному входу; массивная дубовая дверь была украшена искусною резьбой, изображавшей букеты цветов. Вообще в доме было много резного дерева, и резьба по большей части превосходно сохранилась — Руфус отметил это, еще когда осматривал имение в качестве доверенного миссис Кимбер; но там, где она попортилась или стерлась, восстановление должно было стоить больших денег. В парадных комнатах с лепных плафонов спускались хрустальные люстры, в которых когда-то горели свечи; теперь все это нужно было заменить электричеством. Печи тоже требовалось разобрать и вместо них провести центральное отопление. Нынешний владелец дома был простой фермер, работяга, но человек довольно неотесанный; имение досталось ему по наследству. Он жил в Торнбро с женой и пятерыми детьми, но не чаял разделаться с ним и перебраться в город, потому что, несмотря на все труды, доходов с фермы едва хватало, чтобы прокормить семейство, а ведь нужно было еще платить налоги и проценты по той самой закладной, которая попала в руки Энтони Кимбера.

ГЛАВА II

Однако дом и его внутренняя отделка были делом второстепенным, и, осматривая усадьбу Торнбро, Руфус только мельком отметил все это. Гораздо больший интерес представлял по своим размерам и состоянию приусадебный участок, а главное — примыкающие к нему шестьдесят акров пахотной земли. Земля

была отличная, и Руфус опытным глазом сразу оценил это; применяя правильную систему севооборота, здесь можно было снимать большие урожаи любой культуры, имеющей сбыт на местном рынке, — обстоятельство, которое он не преминет учесть, если поселится в Торнбро и найдет хорошего работника себе в помощь.

Что же касается дома и усадьбы, он решил, не откладывая, рассказать Фебе, как обстоит дело, и выяснить, нельзя ли употребить часть свободных средств, оставленных Кимбером, на необходимый ремонт и перестройки. Он рассуждал так: если они с Ханной согласятся переехать в Торнбро, надо сделать дом мало-мальски пригодным для жилья. Если же, как он предполагал раньше, решено будет продать имение целиком, к выгоде Фебы и ее детей, — то тем более нужно привести его в такой вид, чтобы оно могло понравиться покупателю, а на это требуются деньги. Руфус еще раз снизу доверху обошел старый дом, затем посоветовался кое с кем из местных агентов по продаже недвижимости, разузнал подробности о других старых домах такого же типа, перестроенных и проданных или же продолжающих служить загородными резиденциями для состоятельных филаделфийских семейств, и сообщил Фебе следующее: из Торнбро, несомненно, можно извлечь выгоду, но для этого нужно привести его в порядок, что потребует немалых затрат. Впрочем, по его мнению, эти затраты оправдаются.

Если же, продолжал он, Феба в самом деле хочет, чтобы он с семьей переселился в этот чужой для них край, то вот план, который обойдется дешевле всего и, пожалуй, будет самым приятным для него и Ханны: они поселятся в Торнбро, и Руфус станет хозяйничать на ферме с помощью хорошего работника, которого он постарается подыскать. Придется отремонтировать часть дома — чтобы только им уместиться вчетвером с детьми, — а когда ферма начнет давать приличный

доход, можно будет подумать и о капитальном ремонте всего здания. В ответ на это Феба еще раз повторила, что он может распоряжаться в Торнбро, как ему угодно: все равно она уже решила отказать усадьбу по завещанию им с Ханной. Что же до денег, то она с радостью даст ему столько, сколько потребуется для ремонта и восстановления, потому что у нее одно только желание — чтобы они жили поближе к ней.

Была и еще причина, побудившая Руфуса согласиться на переезд, хотя в то время он никому не говорил об этом. Странное, неведомое прежде поэтическое чувство влекло его к этому уголку земли, в котором нашлось так много близкого его сердцу.

Позади дома стоял старый, полуразвалившийся каретный сарай, в котором и сейчас могли бы свободно разместиться три экипажа. К нему примыкала конюшня на шесть лошадей с решетчатыми яслями и просторным сеновалом под крышей. Вдоль задней стены шли красивые застекленные ящики, где когда-то хранилась, должно быть, парадная сбруя. За конюшней имелась пристройка, служившая хлевом; теперь она пустовала, но было время, когда с заходом солнца сюда загоняли коров, пасшихся весь день на соседнем лугу. Когда Руфус впервые заглянул в каретный сарай, он увидел там целую грудку железного лома — старые ржавые плуги, бороны, лопаты, грабли, топоры. В конюшне были заняты только два стойла, в них стояла пара убогих кляч, на которых весной пахали, а зимой ездили в город. Но почему-то это зрелище упадка и запустения не подействовало на Руфуса так удручающе, как следовало бы ожидать. Было во всем этом что-то, что и сейчас рождало видения иной, лучшей жизни, непохожей на ту, к которой он привык с детства, — какие-то далекие отзвуки легкого, беспечного существования, житейского размаха, ни разу не изведенного ни им, ни его женой или родными.

Теперь, когда он уже почувствовал дыхание прошлого, которым веяло от этих мест, его неприятно поразило вид грязной свинарни, где лежала свинья с вывощком поросят, — да еще рядом со старинным колодезем, откуда в былые времена обитатели дома брали питьевую воду.

К югу от дома, посреди пустыря, который некогда, наверное, был лужайкой, радовавшей глаз своей зеленью, торчали остатки полусгнивших столбов, расположенных двойным кольцом. Когда-то они поддерживали, должно быть, лиственный свод огромной беседки, — такие еще сохранились в других барских имениях округа. Виноградные лозы или плющ, вероятно, заплетали просветы между столбами, образуя прохладную тень. Эта беседка наводила на мысли о том, что до сих пор было чуждо всему жизненному укладу Руфуса: о досуге, о веселых сборищах людей, привыкших к достатку, избавленных от повседневного труда и забот, которые постоянно тяготели над ним. Она заставляла думать об изобилии и даже излишествах в еде, питье, одежде, о вещах суетных и, по его глубокому убеждению, ненужных, в этом доме во всяком случае. Отчего, думал Руфус, радость и красота должны непременно сочетаться с излишествами и суетностью — не говоря уже о жадности, пьянстве, разврате и прочих грехах, с которыми Джордж Фокс и последователи его учения так мужественно стремились навсегда покончить?

Но больше всего поразила воображение Руфуса речушка, на которую он набрел еще в первый свой приезд в Торнбро. Левер-Крик — так называлась эта речка; она брала свое начало где-то к северо-западу от Трентона и текла на юго-восток, к Делаверу, — куда именно, Руфус не пытался узнать. Местами она была совсем узенькая, почти ручей, не больше восьми-десяти футов, но кое-где становилась и пошире. На земли Торнбро она вливалась в футах в трехстах за каретным

сараем и бежала, извиваясь, но не теряя своего направления, наискось через всю усадьбу, к проселочной дороге, проходившей мимо Торнбро с запада на восток. Здесь она разливалась до тридцати, а то и пятидесяти футов, образуя три неглубокие заводи; самая большая из них, фута в четыре глубиной, почти подходила к лужайке перед домом. Живописная извилистая дорожка вела к ней среди заброшенного цветника.

Было начало марта, зима еще держалась, и, хотя на земле снег уже стаял, поверхность речки еще была скована блестящей синей корочкой льда. Но Руфус мысленно видел, как все это должно выглядеть весной; еще в детские годы ему часто представлялась в мечтах такая речка, но никогда не было времени поискать в окрестностях что-нибудь похожее. И вот теперь эта речка перед ним! Сколько радости доставит она его детям, Солону и Синтии! И девочкам Фебы тоже!

На другом берегу еще виднелись следы вкопанных когда-то в землю скамеек. Сюда, переправившись по легкому мостику, приходили, должно быть, в летнюю пору отдохнуть в густой тени деревьев обитатели дома. Мостик этот давно сгнил и обвалился, и паводки многих лет почти стерли с лица земли воспоминания о нем. Два-три обломка свай — вот все, что от него осталось. Руфус думал о том, сколько поколений детей резвились здесь у воды, купались, ловили всякую мелкую рыбешку; в солнечный день окуньков и пескарей легко разглядеть сквозь прозрачную воду, особенно там, где оранжевый песок устилает дно.

Так Руфус, переходя от свинарни к колодцу и от колодца к беседке в поисках новых следов разрушения и упадка, отдавался неожиданным и приятным мыслям о том, как все это выглядело раньше. И ему захотелось, не преступая запретов религии, вернуть хотя бы отчасти эту ушедшую жизнь, сделать так, чтобы все в Торнбро вновь стало — не греховным и суетным, но опрятным и радующим глаз.

ГЛАВА III

Вот как случилось, что Руфус Барнс со всей своей семьей водворился в усадьбе Торнбро близ Даклы, миль в двадцати пяти от Филадельфии.

Феба Кимбер была очень довольна: ведь от ее трентонского дома до Торнбро насчитывалось не более шести миль — расстояние, которое кимберовские лошади пробегали в короткий срок. Такое близкое соседство способствовало тому, что обе семьи зажили в любви и мирном согласии. Руфус, правда, не обладал деловой хваткой и изворотливостью покойного Кимбера, но усердия и добросовестности у него было достаточно. Выгодно продав пай Энтони Кимбера в трентонских гончарных предприятиях и пустив вырученные деньги под заклад земельных участков в районе Трентона, он сумел обеспечить Фебе довольно круглую сумму постоянного дохода, из которого кое-что приходилось и на его долю как душеприказчика и управляющего. Очень скоро Руфус стал пользоваться в даклинской общине не меньшим уважением, чем его покойный свояк пользовался в трентонской. За те десять лет, которые отделяли переезд Барнсов в Торнбро от женитьбы их сына на Бенишии Уоллин, многое изменилось в материальном и общественном положении семьи.

Жизнь в старинной усадьбе Торнбро и заботы о приведении ее в такой вид, который хотя бы отдаленно напоминал былое, оказывали на Руфуса Барнса своеобразное действие. Он жил словно зачарованный веянием прекрасной старины. Он вовсе не думал о том, о чем иногда толковали другие, — о роскоши, праздности, высоком положении в обществе; нет, просто он ощущал присутствие каких-то неопределенных теней прошлого и не мог заставить себя отнестись к ним с неодобрением. Потому что в них была красота. А красота для Руфуса, воспитанного на поучениях религии,

привыкшего читать Библию и слушать возвышенную беседу старших друзей, была исконным и неизменным свойством всякого Божьего творения.

В результате его неторопливых и разумных усилий усадьба Торнбро постепенно вновь приобретала черты былой красоты и благоустройства. Прежде всего каретный сарай освободили от хлама, починили и заново покрасили; инвентарь, который еще годился в дело, тоже починили и сложили в отремонтированной пристройке. Полусгнившие столбы старой беседки вырыли и убрали, чтобы расчистить место для новой, не менее красивой и уютной. Речку, так нравившуюся Руфусу, тщательно вычистили и перегородили в верхнем течении, чтобы никакие наносы не портили песчаного дна. Перед домом на прежнем месте разбили газон и сделали цветочные клумбы затейливой формы. Подновили и покрасили заржавевшую чугунную ограду. Словом, мало-помалу усадьба приняла такой вид, какого не знала уже тридцать лет, с тех пор как уехал отсюда последний Торнбро.

Сложней обстояло дело с внутренней отделкой дома, потому что здесь у Руфуса возникали сомнения религиозно-нравственного порядка. Впервые в жизни ему пришлось столкнуться с тем, что, если не по существу, то хотя бы по форме, являлось роскошью. Он считал, что его долг перед Фебой — сделать из Торнбро загородный дом, приемлемый для любого покупателя; но для этой цели необходимо было внести в устройство дома элементы той самой роскоши, которая казалась Руфусу несовместимой с его религиозными представлениями.

Парадная дверь, например, открывалась в просторный холл, откуда вела наверх широкая красивая лестница с резными перилами из полированного ореха. Эта лестница довольно хорошо сохранилась; нужно было только поскоблить и заново отполировать перила. Слева от главного входа шла деревянная же колон-

нада, отделявшая холл и лестницу от просторного зала, из высоких окон которого открывался в обе стороны красивый вид на поля и далекие рощи. В простенке между окнами западной стены находился камин, такой большой, что в нем умещались целиком поленья по четыре фута длиной; стенки и свод его были облицованы мрамором, к несчастью треснувшим во многих местах. Белая мраморная каминная доска тоже вся растрескалась и требовала замены.

Стены и потолок зала когда-то были выбелены и украшены медальонами и карнизами искусной лепной работы; теперь все это обсыпалось и пропиталось многолетней грязью, все нужно было исправлять и отделявать заново. Впрочем, в таком запущенном виде зала как-то меньше оскорбляла строгий и простой вкус Руфуса. Но остальные помещения этого почти сто лет простоявшего дома — его двенадцать жилых комнат, его парадная лестница с полукруглыми маршами и другая, черная, специально для прислуги, его обширные кладовые и чуланы, спальни с небольшими уютными каминами и подоконниками в виде лежанок, винные погреба — немало смущали Руфуса, ибо говорили о жизни богатой и роскошной, какую он не считал подходящей для себя и своих близких. С другой стороны, перспектива продажи требовала приведения дома в порядок, и Руфус положительно не знал, как ему примирить эти два противоречивых обстоятельства — собственную любовь к простоте и прихотливые вкусы возможного покупателя. Единственным выходом было ограничиться пока восстановлением лишь небольшой части дома — сколько нужно для скромного житейского обихода.

Но когда усадьба наконец была приведена в порядок и стала приносить доход, а Феба по-прежнему твердила, что никогда не согласится передать Торнбро в собственность кому-либо, кроме него, Ханна или их

детей и наследников, решимость Руфуса поколебалась. Слишком сильна была его любовь к Ханне и детям, слишком свежа память о долгих годах жизненной борьбы и невзгод, и казалось жестоким настаивать на том, чтобы Ханна и дети продолжали вести тот скромный, даже суровый образ жизни, который прежде представлялся ему единственно возможным, — хотя бы сама Ханна и была на это согласна.

Между тем Феба, движимая нежной привязанностью к сестре, не унималась. Она настояла на том, чтобы четыре из комнат верхнего этажа были отремонтированы и обставлены за ее счет. Одна, самая просторная, из окон которой открывался лучший вид, должна была служить спальней Руфусу и Ханне. Другая, примыкавшая к ней, получила назначение комнаты для гостей, а так как самой частой гостьей предстояло быть самой Фебе, то вполне понятно, что она пожелала отделать и обставить эту комнату по своему вкусу.

Синтии предстояло делить свою комнату с Родой и Лорой, дочерьми Фебы, когда им случится заночевать в Торнбро. Четвертую комнату отвели Солону, и Феба с особенной заботой выбирала простую, скромную мебель, которая пришлась бы мальчику по вкусу. Она очень любила племянника за его уравновешенность, за безграничную любовь к матери и за то, что он, казалось, был совершенно чужд тщеславия в каких бы то ни было формах.

ГЛАВА IV

Обстановка в Торнбро резко отличалась от скромного домика Барнсов в Сегуките. И как должна была отозваться подобная перемена на прямодушном и вместе с тем впечатлительном мальчике, каким был Солон, — это мог бы до конца понять только тот, кто наблюдал его на протяжении первых десяти лет его

жизни, иначе говоря, от рождения до переезда семьи в Даклу.

Детский мир Солона был ограничен Сегукитом и родным домом, и в этом мире главное место принадлежало матери. Так было отчасти и потому, что Ханна Барнс много сил своей трезвой, набожной, деятельной природы отдавала ему — первенцу и единственному сыну. Еще когда он лепетал свои первые слова, она стала замечать, что ему не хватает той живости сообщения, той изобретательности в забавах, которой отличались другие дети. В два, в три года, до появления на свет Синтии, будущей товарки его игр, он часто ходил с таким видом, словно не знал, куда себя девать. А между тем у него были игрушки — красный мячик, тряпичная зеленая обезьяна, которую Руфус привез из соседнего городка Огасты, красная деревянная повозочка на колесах. Но иногда он бросал все это и подолгу сидел притихший, засунув палец в рот и глядя перед собой невидящим взглядом. Мать, обеспокоенная его молчанием и неподвижностью, подхватывала сына на руки, ласкала и целовала его или же пыталась рассмешить. Потом она придумала другое: стала приводить к нему играть соседскую девочку одних с ним лет, живую, непоседливую шалунью. И той действительно очень скоро удалось расшевелить Солона; ему словно открылись радости дружеского общения.

Солон рос здоровым, крепким ребенком и очень рано стал понемногу помогать матери в ее хлопотах по дому; стоило ей попросить что-нибудь подать или принести, он с радостью бежал выполнять поручение и даже сам старался придумывать разные маленькие услуги. Не ускользало от миссис Барнс и то, с каким вниманием слушал Солон слова молитвы и библейские тексты, которые она или Руфус каждое утро и вечер читали в домашнем кругу; видно было, что эти чтения оставляют в его душе гораздо больший след, чем в душе его сестры. Однажды — ему шел шестой

год — он спросил, глядя на мать большими, задумчивыми глазами:

— А какой Он, Бог? Он с виду похож на нас?

Мать ответила:

— Нет, Солон, Бог — это дух. Он повсюду, как свет, как воздух, которым ты дышишь, как звук, который слышат твои уши.

— Значит, Он не внутри нас живет?

— Нет, не внутри нас. — Миссис Барнс сама была несколько смущена и озадачена его вопросами. — Он — ну, вот представь себе, что ты о чем-то думаешь, что ты чувствуешь что-то приятное-приятное. Ведь если ты сделал что-либо дурное, это Бог помогает тебе сознать свою ошибку и пожалеть о ней.

— А Бог всех заставляет сознавать свои ошибки?

— Старается всех заставить, милый. Но ведь ты-то ничего дурного не делаешь, я это знаю. Ты добрый, хороший мальчик — Божье дитя. — Она ласково погладила его по голове и, спохватившись, как бы не перекисло поставленное с утра тесто, поспешила на кухню, прибавив: — А теперь беги к своим игрушкам.

Но к ее большому удивлению, Солон не тронулся с места. Он с минуту постоял молча и вдруг отчаянно, в голос, зарыдал, прижимая к глазам кулачки. Изумленная мать бросилась к мальчику, подхватила его на руки и принялась целовать, приговаривая:

— Что с тобой, мой маленький, о чем ты плачешь? Скажи маме. Ну, скажи же. Я знаю, это какой-нибудь пустяк, но все-таки скажи маме, ведь она тебя так любит.

Она долго еще утешала его, прижимая к груди и уговаривая не плакать и рассказать ей, в чем дело; и наконец он выговорил прерывающимся от рыданий голосом:

— Я у-убил птичку. Я нечаянно. Я не хотел ее убивать. Мне Томми дал свою новую рогатку, и я — я попробовал выстрелить. — Тут он снова залился слезами.

Миссис Барнс уже догадалась, что дело идет о какой-то мальчишеской проказе, и ей еще больше захотелось утешить сына, внушить ему, что она поймет его и простит, и Бог тоже; но она не знала, как это сделать, и только все качала мальчика на руках, целовала его круглую головку и упрашивала рассказать ей толком, что случилось.

Мало-помалу все выяснилось. Героем невинной и все же печальной маленькой трагедии оказался Томми Бриггем, мальчуган года на два старше Солона; отец его, железнодорожный рабочий, с утра до вечера гнувший спину в местном депо, не был квакером, и мальчик ходил в сегукитскую городскую школу. Недавно Томми завел себе рогатку и усердно упражнялся в стрельбе из нее. Вчера, проходя мимо дома Барнсов, он остановился поболтать с Солоном. Заметив на росшей перед домом сосне шишку, которая показалась ему достойной мишенью, Томми достал из кармана камешек, прицелился — и не попал, выстрелил еще раз и снова промахнулся. Солон, крайне заинтересованный всем этим, попросил:

— Дай мне разок попробовать, Томми!

— Валяй! — сказал Томми. — Покажи, какой ты стрелок.

В эту минуту на высокую ветку сосны уселась славка, свившая себе гнездо в одном из уголков барнсовского сада. Солон увидел ее и машинально, нимало не рассчитывая попасть, прицелился и стрельнул. И тотчас же, к величайшему изумлению самого Солона и Томми Бриггема, птичка свалилась на землю мертвая. Солон обомлел: ни разу еще ему не случалось не только что убивать, но даже просто причинить боль живой твари. Бледный как полотно, охваченный желанием убежать, спрятаться, он жалобно забормотал:

— Ой, я не хотел! Я нечаянно!

На что юный Бриггем не замедлил ответить:

— Еще бы не нечаянно! Тебе ни за что на свете не попасть в другой раз. А ну-ка, посмотрим, что за птица такая.

Не обращая внимания на окаменевшего от ужаса Солона, он нагнулся, поднял с земли бездыханное серое тельце, взвесил на руке и сказал:

— Пригодится нашей кошке на завтрак. — Потом оглянулся и добавил: — Надо поглядеть, у ней тут, наверно, гнездо недалеко.

Он стал шарить в кустах, раздвигая руками ветки, и наконец торжествуя закричал:

— Эй, малыш, иди сюда! Я тебе что-то покажу. Ловко у тебя получилось на этот раз.

Он ухватил перепуганного Солона, который, стоя на земле, не мог ничего разглядеть, приподнял его, и Солон увидел круглое гнездо из травы и прутьев, а в нем четырех тощих птенцов, вытягивавших шеи и разевавших большие желтые рты.

— Видишь? — спросил Бригтем. — Это ее выводок. Пожалуй, можно и птенцов отдать кошке. Все равно с голоду подохнут.

— Это была их мама? — жалобно спросил Солон.

— Ну да, — сказал Бригтем. — А чего ж она тут летала, по-твоему?

Солон в ужасе скорчился у Бригтема на руках. Бедные маленькие птенчики. А Бригтем еще хочет отдать их кошке вместе с мертвой матерью. И все это наделал он, Солон!

— Не надо, не надо! — закричал он, когда Бригтем, опустив его на землю, потянулся за гнездом. — Не бери! Я сам попробую их кормить! Я маму попрошу! Я не хотел убивать птичку! Я нечаянно, нечаянно! — Он припал к кусту, в котором было гнездо с птенцами, и горько заплакал. — Боже мой, боже мой! Бедные птенчики. И зачем только я стрелял в их маму!

— Да ведь ты же не думал, что попадешь, — попробовал утешить его Бригтем, тронутый его слезами. —

Это у тебя случайно вышло. А кормить их ты все равно не сможешь. Откуда тебе знать, что они едят? Не реви. Ты ни в чем не виноват. Другой раз не стреляй в птиц, только и всего. — И, достав гнездо с четырьмя птенцами, он побегал домой, а Солон, ни живой ни мертвый от ужаса, стоял и смотрел ему вслед.

За обедом он ничего не мог взять в рот, а когда все встали из-за стола, забился молча в угол дивана в гостиной. Мать, увидя это, решила, что он устал, и велела ему идти спать. Но, оставшись один в своей мансарде, половина которой была отгорожена для Синтии, Солон, против обыкновения, долго не мог уснуть и наутро встал такой бледный и вялый, что мать встревожилась — не заболел ли он.

Но у него уже сложилось решение рассказать матери о случившемся; именно об этом он и думал, задавая ей свой вопрос — похож ли Бог с виду на человека? Выслушав рассказ о его воображаемом преступлении, миссис Барнс невольно задумалась над тем, какова же истинная причина свершившегося зла. Ведь нельзя считать грехом желание ребенка иметь рогатку, если у него не было в мыслях причинить вред какому-либо живому существу. Солон прицелился в птицу, как Томми до него целился в сосновую шишку; он совершенно не отдавал себе отчета в том, что это не одно и то же, — тем более что вообще не рассчитывал попасть, — его искреннее горе не оставляло сомнений на этот счет. Им руководило одно лишь детское любопытство; ведь он даже не знал, что славки имеют обыкновение вить гнезда в таких местах или что сейчас время выведения птенцов.

Миссис Барнс понимала это и потому всем сердцем готова была простить сыну его невольную вину — в особенности видя, как болезненно он переживает гибель матери-славки и ее птенцов; но в душе у нее была тревога: то, что зло может совершиться так случайно,

не по чьей-либо жестокости или дурному умыслу, не укладывалось в ее религиозные и житейские представления.

Она ласково постаралась уверить сына, что ему не в чем себя укорять, но не забыла указать тут же, как важно всегда думать о том, что делаешь, и в любых обстоятельствах обращаться к внутреннему свету за советом и наставлением. Однако душевные сомнения, порожденные этим маленьким происшествием, еще долго не оставляли ее. В сущности, она не забыла их до конца своих дней.

ГЛАВА V

Восьмой год жизни Солона ознаменовался еще одним крупным событием, на этот раз — болезнью. Он был от природы сильный и выносливый мальчик, настоящий крепыш, и отец с ранних пор стал брать его с собой, отправляясь в лес, чтобы наготовить дров на зиму. Сперва Солон ездил с ним только для забавы — покататься, побегать по лесу. Когда он стал старше, Руфус подарил ему маленький топорик и разрешил обрубать ветки со сваленных уже стволов. Но прошло еще немного времени, и мальчик, не по годам рослый и сильный, стал помогать отцу в занятии, которое ему казалось увлекательней всего на свете, — валить могучих вечнозеленых красавцев в заснеженном лесу.

И вот однажды остро отточенный топор соскользнул и глубоко, до самой кости, врезался Солону в левую ногу, чуть повыше щиколотки. Следовало немедленно промыть и перевязать рану, но прошло несколько часов, прежде чем это удалось сделать. Единственный в округе врач, за которым тут же послали, не торопился, к тому же он был не слишком умудрен в хирургии и асептике, — достаточно сказать, что, осмотрев рану,

которую отец Солон перевязал, как умел, носовым платком и обрывками ветоши, он отправился точить свой ланцет на оселке для кос!

Следствием всего этого явилось заражение, и настолько серьезное, что, хотя мать потом сама тщательно промывала и перевязывала рану, Солону становилось все хуже и хуже; и наконец не только мать, но и он сам по-своему, по-детски почувствовал приближение последней великой перемены. Страшная мысль о том, что она может потерять сына, мучила Ханну, и на ее бледном напряженном лице читалось страдание. Когда дело стало совсем плохо, из города привезли другого врача, чтобы показать ему вновь открывшуюся рану. Во время перевязки Солон увидел рану; он был не из плаксивых, но тут у него хлынули слезы — лицо матери, сосредоточенное и полное тревоги, невольно выдало ему то, что от него пытались скрыть.

Ханна продолжала бинтовать ногу; вдруг она остановилась, и Солон увидел, что по лицу ее разлилась вдохновенная бледность, как в те утренние и вечерние часы, когда она обращалась к Богу. Сейчас она молчала, но в ее взгляде, поднятом к небу, была и страсть, и мольба, и глубокая вера. Так прошло несколько минут. Потом Ханна опустила голову и, глядя прямо в не просохшие еще от слез глаза сына, проговорила, точно в трансе, глухим и торжественным голосом:

— Не плачь, Солон, сын мой, теперь твоя жизнь и здоровье вверены мне. Это не конец твоего пути, это только начало. Господь сулит тебе все лучшее впереди. Ты будешь жить, чтобы служить Ему в любви и правде.

С этими словами она положила правую руку на голову сыну и снова подняла взгляд к небу. И в наступившей тишине мальчик вдруг почувствовал, что ему лучше. Страх прошел, воля к жизни вернулась к нему; он поверил в свое выздоровление — и выздоровел.

После этого случая Солон никогда не оставляла мысль о матери, о том, как она добра, как искренне и горячо желает его благополучия, и он чувствовал себя в неоплатном долгу перед ней. Он никогда, даже в ее отсутствие, не сделал бы того, что могло ей не понравиться. Первое место в его душе принадлежало ей; однако всю свою жизнь — пока эта жизнь шла рядом с ее жизнью — он был крайне скуп на проявления своей глубокой преданности. Но она всегда знала (он был уверен в этом), что он любит ее так, как только может желать мать, и сама платила ему такой же любовью.

При всей своей физической силе Солон никогда не был забиякой. Напротив, он отличался самыми миролюбивыми склонностями, но отсюда не следовало, что каждый мог безнаказанно дразнить его или унижать, — это он доказал еще в самом юном возрасте. Появился по соседству мальчик немного старше Солон, по имени Уолтер Хокат, сын плотника. Это был коренастый паренек, не из тех, какие нравятся девушкам, но тщеславный, как все люди; он никогда не упускал случая показать, что никто лучше его не умеет кататься на коньках, плавать, нырять, бороться. В квакерскую школу Уолтер Хокат не ходил, да и вообще он всячески отлынивал от ученья, но зато очень скоро стяжал себе в Сегуките славу чемпиона по борьбе среди мальчишек его лет, роста и веса.

Летом окрестные любители купанья собирались на берегу небольшого озера, расположенного в двух милях от городского центра, и Уолтер Хокат постоянно околачивался там, выискивая охотников помериться с ним силой. Как-то раз он вызвал на бой Солон, который давно раздражал его и своим крепким телосложением, и своим ровным, приветливым нравом, кроме того, Уолтер Хокат вообще недолюбливал квакеров с их патриархальной манерой ко всем без различия обращаться на «ты». Хокату не терпелось доказать, что

ему ничего не стоит побороть такого противника. Солон, уверенный в своей природной силе, получив вызов, ничуть не смутился.

— Ну что ж, давай, если хочешь, — ответил он, и тотчас же борцы начали примеряться друг к другу, а зрители, человек семь мальчишек разных возрастов, обступили их тесным кольцом.

И тут очень скоро выяснилось, что сильный и напористый Хокат, заранее не сомневавшийся в поражении и посрамлении своего противника, не может справиться с ним. Он ловчился и так и этак, то неожиданно наскакивал, то отскакивал, давал подножки, но Солон крепко стоял на ногах, и все эти хитрости только изматывали самого Хоката. Тогда, окончательно разозлясь, он решил навалиться на Солона всей своей тяжестью и попросту опрокинуть его. Но Солон, не растерявшись, обхватил его поперек туловища, приподнял на воздух и разом уложил на обе лопатки, после чего, не давая противнику подняться, спросил все тем же невозмутимым тоном:

— Ну как, сдаешься?

При виде этого все жертвы прежних побед Хоката радостно завопили:

— Ура, Барнс выиграл! Ура! Барнс уложил Хоката!

Это привело Хоката в настоящее бешенство, и, как только Солон отпустил его, он вскочил и заорал:

— Ладно, квакер паршивый! В борьбе-то ты победил, но давай драться на кулаки, и я от тебя живого места не оставлю!

Тут зрители-мальчишки, давно копившие обиду против Хоката, зашумели еще громче:

— Барнс уложил Хоката! Барнс уложил Хоката! А тому, видно, мало — лезет в драку!

Их крики распяляли Хоката еще больше, но Солон только заметил в ответ:

— Зачем нам драться? Я с тобой не ссорился и драться не хочу.

Тогда Хокат, вместо того чтобы принять предложенный мир, изо всей силы замахнулся на Солона, но тот левой рукой легко отвел удар. На счастье обоих, в это время к месту действия подошел мальчик постарше; он знал Хоката и, сразу оценив миролюбие Солона и неистовство его противника, выступил на середину круга и заявил:

— Вот что, Хокат, ты это брось! Тебя уложили по всем правилам. И нечего лезть в драку, раз он не хочет драться с тобой. — Затем, обернувшись к Солону, он прибавил: — Ступай спокойно, Барнс. Он тебя не тронет, за этим я пригляжу.

И Солон отправился купаться, а Хокат, угрюмо косясь на пришельца, занявшего сторожевую позицию на берегу, оделся и пошел восвояси. Обида так и клокотала в нем. Понести такое поражение, и от кого — от презренного квакера!

ГЛАВА VI

В Дакле Солона прежде всего поразил их новый дом — его размеры, его своеобразие, его красота. Мальчик замечал, как считаются родители с желанием тетушки Фебы во всем, что касается дома; не только отец, которого к этому обязывало положение душеприказчика, но даже мать, обожаемая мать, прислушивалась к ее рассуждениям о том, чего требует изменившееся положение семьи. Что ж, и немудрено; ведь это обширное имение, как скоро понял Солон, принадлежало на самом деле Фебе Кимбер, и долг отца, да, пожалуй, и матери тоже, состоял в том, чтобы сделать все возможное для его процветания. А потому вся семья Барнсов, включая и детей, подчинилась необходимости изменить свои привычки и в домашнем обиходе, и в общении с людьми; начать с того, что Солон и Синтия

теперь ходили в школу гораздо лучше одетыми, чем раньше.

Надо сказать, что в даклинской общинной школе, где обучались дети окрестных квакеров — всего человек шестьдесят, — принято было уделять костюму куда больше внимания, чем в школах Сегукита, и общинной и городской. Впрочем, в чем именно заключалась разница, этого Солон не мог бы с точностью сказать. И его новый костюм, подарок тетушки Фебы, и новое платье Синтии были скромного покроя и мягких, не бросающихся в глаза, цветов; правда, сшиты они были из лучшей ткани, чем обычная одежда сегукитских школьников. Но дело было не только в одежде. Новые сверстники юных Барнсов держались с особой высокомерной холодностью, как будто ни на минуту не забывали о том, что они лучше других. Такое поведение и злило, и озадачивало Солона. Он не понимал, чем, собственно, они могут быть лучше — разве только что родители у них богаче; во всяком случае, в сегукитской школе он с этим не сталкивался.

Кое-что стало для него проясняться после того, как он побывал в доме тетушки Фебы на Розвуд-стрит в Трентоне. Его и Синтию пригласили провести субботу и воскресенье у двоюродных сестер, Лоры и Роды, и вместе с ними посетить молитвенное собрание трентонской общины. Убранство теткиного дома поразило Солона; ничего подобного ему в Сегуките видеть не приходилось. А в девочках, из которых одна была ровесницей ему, а другая — Синтии, он сразу почувствовал что-то такое, что делало их похожими на учениц даклинской школы. На его не слишком искушенный взгляд, они казались даже еще жеманнее в обращении с мальчиками. Солона они обе встретили ласково и приветливо, но он к тому времени успел заметить, что девочки вообще проявляют к нему гораздо меньше интереса, чем к другим мальчикам. И в Сегуките, и в Дак-

ле он часто видел, как девочки и мальчики вместе подходят к воротам школы или вместе уходят после уроков, но не было, кажется, случая, чтобы какая-нибудь из школьниц остановилась поговорить с Солонем или предложила проводить ее домой. С ним мимоходом здоровались или прощались — только и всего. Зато Синтия, заметно хорошевшая, всегда была окружена сверстниками и сверстницами и весело болтала с ними о своем новом доме, об уроках или еще о чем-нибудь, дожидаясь у ворот школы отцовского шарабана, на козлах которого восседал Джозеф Кумбс, один из двух работников, недавно нанятых Руфусом. В этом шарабана Солон и Синтия каждое утро ездили в школу и каждый день после уроков возвращались в усадьбу Торнбро, которая становилась все более и более похожей на другие богатые усадьбы в округе.

Однако отец и мать Солона по-прежнему утром и вечером обращались с молитвой к внутреннему свету, прося наставить их на путь смирения и воздержания и уберечь от излишеств в одежде, в жилье и убранстве, от влечения к ярким и красивым вещам — от всего, что может тешить людей суетных и легкомысленных, но не тех, кто печется об истинной пользе души. Может быть, и не всегда в утренних и вечерних молитвах говорилось именно об этом, но, во всяком случае, достаточно часто, чтобы в голову Солона и даже Синтии надолго запала мысль о пагубе всяческого стремления к роскоши.

И все же Солон замечал, как новые дела и обязанности постепенно меняют его отца и как скромный сегукитский фермер и торговец становится человеком совсем иного и куда более увлекательного образа жизни. Там, в Сегуките, он носил самую простую, крестьянского покроя одежду; так же одевался и Солон, когда после школы помогал отцу в лавке. Но здесь Руфус был уже не фермером, а экономом или управляющим

семи-восьюми крупных фермерских хозяйств, принадлежавших Фебе, и на его обязанности лежало не только увеличить их доходность, но и сделать так, чтобы их можно было с выгодой продать в случае надобности. И он настолько преуспевал в этом, что в скором времени счел возможным пятнадцать процентов общего дохода брать себе в качестве жалованья. Управление имениями заставляло его иногда заниматься куплей и продажей. Торговцы, с которыми приходилось иметь дело, были все больше люди богатые, да и местными порядками и обычаями тоже не стоило пренебрегать, — и мало-помалу Руфус, подчиняясь обстоятельствам, стал лучше одеваться, а там завел выезд с хорошими лошадьми, что сразу придало ему вид человека зажиточного и благоденствующего.

И в эти весенние, а потом и летние дни, глядя, как отец выезжает со двора или возвращается домой в своем нарядном шарабане, Солон невольно чувствовал, что это уже не тот простой и скромный человек, каким он был в Сегуките. Даже в свои тринадцать с небольшим лет мальчик замечал, что отец как-то приосанился, взгляд его стал более пронизательным и живым. И привычки у него появились новые: он полюбил бродить по лужайке и по дорожкам парка или, присев на каменную скамью в новой беседке, увитой зеленью, любоваться изгибами Левер-Крик, мирно катящей свои струи по расчищенному и углубленному руслу среди цветов и деревьев Торнбро.

Едва ли не впервые в жизни Руфус отдавался неподдельному поэтическому восторгу, который рождала в нем красота природы. Сколько прелести в этой веселой реке! В высоких пирамидальных елях, выстроившихся по ее берегам! В этих каменных скамейках! В маленьких рыбках, проворно снующих в прозрачной воде! В цветах, разбросанных повсюду, — вьюн-

ках, маргаритках, желтых и белых ромашках! Трудно поверить, что этот чудесный приют, созданный рукою Творца, может быть достоянием одного человека, а между тем разве Руфус не хозяин здесь, разве все это не вверено ему сестрой его жены, любящей Фебой?

Однажды среди таких размышлений Руфусу вспомнились слова пророка Исайи, которые он не раз читал своим детям: «Жаждающие! Идите все к водам; даже и вы, у которых нет серебра, идите, покупайте без серебра и без платы вино и молоко». Вслед за этим текстом память подсказала другой — заключительные слова псалма двадцать третьего: «Так, благодать и милость да сопровождают меня во все дни жизни моей, и я пребуду в доме Господнем многие дни».

Где-то в кустах подавала голос славка, в ответ ей залился самозабвенной трелью дрозд. Руфус стряхнул раздумье и прислушался. И тут у него родилась мысль, от которой сразу стало легче и спокойнее на душе. Все комнаты своего нового дома — спальни, гостиную, столовую — он решил украсить священными текстами, подобрав такие, в которых отразилась бы его благодарность Творцу за ниспосланные ему блага. В своей супружеской спальне он велит написать на стене цветными буквами: «Он водит меня к водам тихим; подкрепляет душу мою». Над камином в большой гостиной будут красоваться слова: «Ибо милость Твоя перед моими очами». В столовой: «Ты приготовил передо мною трапезу». Для комнаты Солона он выбрал такой текст: «Господня есть земля и все, что наполняет ее». Для комнаты Синтии: «Укажи мне, Господи, пути Твои и научи стезям Твоим». А в спальне миссис Кимбер будет написано: «Боже мой! На Тебя уповаю». Ибо Руфус был глубоко уверен, что каждый угол в его доме и все вообще, чем он владеет на земле, должно отражать его беззаветное служение Богу.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Пролог	5
Часть первая	10
Часть вторая	119
Часть третья	275
Эпилог	378

Драйзер Т.

Д 72 Оплот : роман / Теодор Драйзер ; пер. с англ. Е. Калашниковой. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. — 384 с. — (Азбука-классика).

ISBN 978-5-389-12670-1

Теодор Драйзер — знаменитый американский писатель и общественный деятель. Его произведения, такие как «Американская трагедия», «Сестра Кэрри» и другие, пользовались огромным успехом у читателей во всем мире и до сих пор вызывают самый живой интерес. В романе «Оплот», увидевшем свет уже после смерти автора, рассказана история трех поколений религиозной квакерской семьи. Столкновение суровых принципов с повседневной действительностью, конфликт отцов и детей, борьба любви и долга показаны Драйзером с потрясающей выразительностью и остротой. По словам самого автора, «Оплот» является для него произведением не менее значимым и личным, чем «Американская трагедия», и во многом отражает и дополняет этот великий роман.

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Сое)-44

Литературно-художественное издание

ТЕОДОР ДРАЙЗЕР
ОПЛОТ

Ответственный редактор Кирилл Красник
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Компьютерная верстка Елены Долгиной
Корректоры Станислава Кучепатова, Наталья Хуторная
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 04.12.2017. Формат издания 75 × 100 1/32.
Печать офсетная. Тираж 2000 экз. Усл. печ. л. 16,92.
Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
119334, г. Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)
Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»
143200, г. Можайск, ул. Мира, д. 93
www.oaompk.ru, www.oaompk.rf
Тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

Y-AKB-28775-82-R

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ
ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве:

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01,

факс: (495) 933-76-19

e-mail: sales@atticus-group.ru;

info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге:

Филиал ООО

«Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55,

факс: (812) 327-01-60

e-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве:

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01

e-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:

www.azbooka.ru,

www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей

и творческого сотрудничества

размещена по адресу:

www.azbooka.ru/new_authors/